

Поздравительное письмо, в котором теща с тестем нахваляют зятя, встретишь нечасто

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ БАГАЖ ВЛАДИМИРА МОЛЕВА

ПОНАЧАЛУ ПОКАЗАЛОСЬ: обычное письмо, каких немало приходит в редакцию – просьба поздравить пятидесятилетнего юбиляра. Как правило, младшее поколение поздравляет старших, старики – друг друга.

Но такое поздравительное письмо встретишь нечасто: теща с тестем – Софья Васильевна и Николай Георгиевич Чуносовы – нахваляют зятя Владимира Молева. Захотелось поразузнать, что за человек, и не пожалела: он из тех, кто наделяет производством жизнью. Конечно, тесть с тещей зовут зятя на блины не за показатели на Доске почета, но мы же знаем, где куются настоящие мужчины – где горячее железо.

Сегодня Владимир Молев занимается учетом и нормированием горюче-смазочных материалов для комбинатского транспорта и курирует новые для ММК направления – клининг и лизинг. Его опыту инженера, оцененному почетным знаком «За механизацию и автоматизацию в черной металлургии», можно верить: клининг – не просто очистка, а признак нового мышления в производстве. То, что до последнего времени делали метлой-лопатой, требует серьезной техники – такой, чтобы щетень сметала и чтобы до крыши доставала. Владимир Сергеевич только рад: надо снова учиться. У него образование транспортника, но ему заново приходится изучать топливную аппаратуру: для инженера учиться всю жизнь – норма. Он хорошо усвоил давний урок, когда у него в бригаде были двое мастеровых фронтовиков: пока они работали – никто знать не знал, что могут быть проблемы у продольно-строгального стана длиной двенадцать метров и высотой с двухэтажный дом. Ушли на пенсию – тогда и обнаружили узкие места. У этих бы мастеров да вовремя учиться, но иных уж на свете нет.

Знакомимся и разговариваем на ходу: у ведущего инженера производственно-аналитического управления комбината Владимира Молева сегодня полевая работа – выезд по транспортным работам на Малый Куйбас. Он из тех, кто не склонен к громким фразам, и если заговорит высоким слогом – жди самоиронии. Хороший способ говорить о значимом без перебора. Называет себя счастливым: с будущим определился еще мальчишкой, к седьмому классу, и не метался с выбором. Решил: уж если работать на комбинате, то начинать с математического класса, и перешел из престижной гуманитарной школы в другую, с упором на точные науки. Потом – горный, практика на комбинатском железнодорожном транспорте, после которой Владимир Молев на долгие годы «прирос» к комбинатскому ЖДТ.

«Качество» производственника во многом определяется везением на наставников, и Владимир Сергеевич до сих пор с благодарностью вспоминает замначальника локомотивного цеха по ремонту Николая Давыдова. Легендарная личность на производстве, жесткий руководитель с инженерным мышлением – вся стена в стеллажах с технической литературой. Он курировал дипломника Молева, он же сосватал его в семьдесят девятом по распределению в ЖДТ слесарем-электриком треть-

ФОТО ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА

го разряда: «Чтобы упали розовые очки». Эту фразу Давыдова с тех пор часто повторяет и сам Владимир Сергеевич.

В паровозном депо Владимир Молев не только осваивал технологию. Вспомнив опыт институтской самостоятельности, вместе с Виктором Мельниковым участвовал в создании цехового вокально-инструментального ансамбля. А к октябрю восьмидесятого без всякого опыта общественной работы он неожиданно для себя стал секретарем комсомола ЖДТ. Несколько раз за эти годы ждал призыва: отец – фронтовик, нельзя сыну не служить. Но каждый раз военкомат разворачивал обратно: дома уже подрастала старшенькая Аннушка, а в цехе под его началом целый полк комсомольцев. И все же солдатской каши Владимир Молев попробовал: пять сборов, почти всегда зимой – в сумме почти полный срок службы.

После комсомола перешел Молев в службу движения маневровым диспетчером – надеялся расти на этом участке. Ошибся. «Защищался по ремонту? – как-то переспросил его замдиректора по транспорту Евгений Смирнов. – А что забыл в движении?» Предложил ему должность мастера по ремонту, реставрации и сборке стрелочных переводов в цехе пути. Другой бы за голову схватился, а Владимир Молев считает: повезло – другой такой мастерской, как доверенная ему, не только на комбинате, но и в системе Минчермета не было. Но участок сложнее: список продукции – на два печатных листа, одиннадцать профессий – кузнец, электрогазосварщик, резчик, машинист железнодорожного и мостового кранов, строгальщики, фрезеровщик, разметчик. Заболел один – технологическая цепочка рвется, а потому в ходу совмещение профессий. Бригада была сильная, осваивала белорусский экономический метод. Но и спрос был, как в армии: производство росло, надо было обеспечивать надежность транспорта.

На эту пору пришлось для Владимира Молева и период руководства партбюро. На счастье, удалось переизбраться, а до того общественная работа и производство не оставляли времени даже на сон.

Слабым звеном железной дороги были рельсовые стыки: динамические нагрузки высокие, нередки замыкания в рельсовых цепях, а ремонт был малопродуктивной процедурой. А в восьмидесятые родилась новая технология изготовления клееболтовых стыков. Приехал Владимир Молев в Челябинск за опытом – не нарадуется: крохотный заводик со штатом не более тридцати человек изготавливает в смену двадцать семь стыков. Одно плохо: один в один челябинский опыт к нам не перенесешь – их линия спроектирована специально для завода. Выручил суперслесарь, как называет Владимир Сергеевич покойного уже Николая Спирина, все мог смастерить, говаривал: «Ты нарисуй – я соберу». По эскизу Владимира Молева собрал дробеструйный аппарат, чтобы устранить ручную обработку рельса. Прежде-то пара слесарей по целому дню зачищала рельс вручную, а после две работницы собирали по шесть стыков в день.

И тут же – новое задание начальника цеха Дмитрия Сызко: найти способ восстановления закладных болтов – их используют для прочного скрепления рельса с железобетонной шпалой, а везли в ту пору аж с Украины. Ситуация на постсоветском пространстве менялась, поставки закладных болтов становились нестабильными. Выход был один: научиться восстанавливать болты. Но универсального станка для этой операции не было.

– Две недели потерял, мозговал над станком, – вспоминает Владимир Сергеевич.

Решение пришло на утренней пробежке: нужна универсальная база – ею может быть любой сохранившийся фрагмент резьбы. В тот же день взял напрокат рабочую головку для резьбонарезного станка, изготовил

и установил специальную подвижную оправку и двигатель от рельсосверлильного. Что из этого вышло – предмет особой гордости рационализатора: работница-пенсионерка за смену восстанавливала на станке контейнер болтов.

Пожалуй, у Владимира Молева и выхода иного нет, как быть рационализатором и изобретателем – то есть сохранять за собой ведущую мужскую роль в молевской фамилии. Он от отца усвоил: место мужчины – где сад, гараж, работа. Да и женщины в семье наступают на пятки: жена Ольга работает в центральной лаборатории комбината, их старшая Анна – специалист по разработке и внедрению бизнес-процессов, младшая Ира – будущий спец по обработке металла давлением. Молевы все такие – с тягой к серьезному делу. Отец Владимира Сергеевича пережил ленинградскую блокаду, воевал на Северном фронте, а в сорок лет, уже отцом троих детей, окончил вуз, разбил и вырастил сад, выстроил гараж, до глубокой старости зимами торил лыжню. Жена ему под стать – волевая, решительная, родом из древней фамилии иконописцев. Их дети – Владимир Сергеевич, его брат и сестра, – технари по профессии, получили музыкальное образование.

– Генетический багаж не исчезает, его надо беречь и передавать, – убежден Владимир Сергеевич.

Настолько убежден, что «лишил дочерей детства», признается он не то с сожалением, не то с усмешкой над своими отцовскими чувствами. У девочек багаж: художка, музыкалка, победы на международных конкурсах, отличные аттестаты в искусстве, но – техническое образование. Младшую даже пришлось отговаривать от намерения поступить в консерваторию: любовь в искусстве – это одно, а надежная профессия – другое. «Что такое самостоятельное решение? – повторил Владимир Молев мой вопрос о добровольности. – Тут как родители сумеют убедить». Отцовская требовательность, похоже, находила мамино одобрение.

Когда они с Ольгой познакомились, вспоминает Владимир Сергеевич, ни одной общей точки не было – только равная организованность. Они вместе с семьдесят восьмью – и ни разу не рассорились: некогда. Кстати, жена обижается на мужнин недостаток: человек двадцать два года не пьет – с таким не во всякую компанию можно. Несколько раз бросал курить: на шесть лет, теперь на два с лишним – лыжнику, кандидату в мастера спорта дымить ни к чему.

Теперь их девочки так же требовательны к себе, как родители. Успевают все: работать и учиться, в том числе осваивать новые навыки – автовождение, дизайн одежды. Это тоже из детства: отец им, перво-класскам, устанавливал график и норму чтения – три страницы. Попробуй прогуляй – будешь писать объяснительную. Не сам придумал: его отец, когда шло строительство сада и гаража, устанавливал своим мальчишкам такие же нормы: отметит, откуда куда копать яму под погреб – и потей, пока он занят другой работой.

– Когда все сделаешь сам, – подытоживает Владимир Сергеевич разговор о воспитании, – понимаешь весь механизм.

Он уже хорошо знал «механизм» и меру ответственности за команду, когда сменил должность замначальника отдела организации труда ЖДТ на роль исполняющего обязанности начальника БОТиЗ металлпрокатного цеха. Здесь в начальнике цеха Эрнсте Дригуне он встретил то, что ценил в Николае Давыдове. «Было много споров по вопросам организации, но для меня это очень светлый период», – вспоминает Владимир Молев. О том, что цех закроют, уже было известно, но афишировать будущее – значит, обречь коллектив на упаднические настроения, и качества не жди. По инициативе начальника цеха Георгия Посаженикова заранее начали перемещать персонал при всякой возможности: переучивали, предлагали цехам на выбор по несколько своих специалистов – там присматривали лучшего. С помощью начальника управления персонала Елены Посажениковой разработали схему премирования людей, трудоустроившихся самостоятельно. В общем, к моменту реорганизации блюминга коллектив на шестьдесят процентов состоял из людей, заработавших право на пенсию. Так удалось с минимальными психологическими потерями подготовить коллектив к закрытию старого цеха. Кстати, в числе последних Владимир Сергеевич сократил себя: невозможно сохранять статус руководителя БОТиЗ, если прежний коллектив распался.

Но пока не свернул работу обжимной цех, уже менялся его сортамент, шла большая работа по демонтажу блюминга, трудно учились катать заготовку несимметричного сечения. «Я в этом не участвовал», – с большим сожалением вспоминает Владимир Сергеевич – при его-то богатой производственной биографии.

Вы же понимаете: должны быть у мужчины и семья, и блины в гостях у тещи с тестем. Но до них дорости надо – с отцом, в саду, в гараже, на работе.

АЛЛА КАНЬШИНА.